

ИММАНУЭЛЬ БАСТ

Моя
ЖЕНЩИНА

16+

Эммануэль Ласт

Моя женщина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64849537

SelfPub; 2022

Аннотация

Муж бросил Веру на пороге старости, да так, что стыдно кому-либо рассказать. Но недаром говорят, что там, где одна дверь закрывается, непременно открывается другая. И для Веры найдется своя гавань, пусть совершенно не похожая на ту, к которой она привыкла.

История о любви, герои взрослые 40+

#харизматичныймужчина

#взрослаяженщина

#зрелаялюбовь

однотомник – бесплатно – ХЭ

Содержание

ГЛАВА 1. ПРИЗНАНИЕ	4
ГЛАВА 2. ТОЧКИ НАД і	13
ГЛАВА 3. РАБОЧИЕ БУДНИ	20
ГЛАВА 4. Я ТЕБЯ ЗНАЮ	29
ГЛАВА 5. ЛЮБОВЬ НА КОЛЕНЯХ	36
ГЛАВА 6. ВЫХОДНЫЕ С СЕСТРОЙ	43
ГЛАВА 7. ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Эммануэль Ласт

Моя женщина

ГЛАВА 1. ПРИЗНАНИЕ

Вера ненавидела новый доводчик.

Дверь подъезда никогда не была легкой, но магнитный замок делал ее неприступной, и каждый раз приходилось тянуть изо всех сил. В редкие счастливые вечера помогал сосед из третьей квартиры, которого жена отправляла курить на улицу, но чаще Вера справлялась сама.

Сегодня очень мешал зонт. Кнопку заело и, когда он все-таки сложился, в стороны остались торчать две поломанные спицы. Вера повесила зонт на запястье и подняла тяжелые пакеты с пола. Свежий осенний ветер забросил на лестничную площадку крупные капли дождя, толкнув в спину тяжелую дверь.

Давным давно надо было выбросить его и купить новый. Костю напрягать бессмысленно, он и лампочки дома менял с чувством обреченности, словно она просила его пройти за Христа до Голгофы.

Не глядя, Вера вызвала лифт и подошла к почтовому ящику. Просунула пальцы в ряд из пяти темных отверстий вниз, потянула, чтобы убедиться наверняка – пусто, и вернулась к

лифту.

Кнопка вызова не горела и Вера знала, что это значит, но все равно нажала на нее раз или два. Ну, мало ли, сегодня один раз повезет.

Не повезло.

Вера выругалась про себя, сняла с руки зонт и бросила в картонную коробку в углу. Рекламные листовки смягчили звук удара, плетеный хвостик на ручке грустно свесился в пустоту. Последние две недели лифт, как по команде, ломался через день и Вера поднималась на восьмой этаж пешком, навьюченная, как ишак.

В пролете между вторым и третьим опять кто-то выкрутил лампочку. Вера перехватила пакеты поудобнее, и двинулась вперед вслепую, давя сапогами разбросанные по полу окурки. И куда только Елена Степановна смотрит, даром что ответственная за этот участок подъезда!

Между пятым и шестым Вера остановилась, облокотившись о перила. Сердце билось где-то в ушах. Она расстегнула пальто и переложила пакеты в другую руку. Нет, ну, ты посмотри, в прошлый раз на третьем задыхаться начала, а сейчас, как козочка, до пятого добралась, почти не вспотев.

Вера улыbnулась, и продолжила подъем.

«Конечно, козочка. Коза старая,» – прошептала сама себе.

Куда ей скакать, до дивана бы после работы доползти, а ведь еще ужин готовить. Потом вспомнила, что на кухне свет горел, значит, Костя уже дома и порадовалась. Может быть,

сегодня ее ждет, пусть и остывший, но ужин. Вкусный ужин. Что-что, а готовить муж умел получше некоторых.

На шестом кто-то бросил пакет с мусором. Вот что за люди? В прошлом году на общем собрании приняли решение мусоропровод заварить, проголосовали единогласно, что вообще удивительно, и все равно не убирают за собой.

Может мусорную фею ждут? Прилетит она такая, дама видная, в платье целлофановом да жестяных черевичках и мусор заберет, а на его месте оставит поллитра. Ну, или еще что, каждому по вкусу.

Вера усмехнулась и опять остановилась. Каждый раз миная этаж, глаза цеплялись за цифры – три, четыре, пять, шесть... вспоминала, как когда-то ходила на аэробику и также глазами на минутной стрелке висела. Нет, физические нагрузки точно не ее конек. Вроде и не сильно после родов поправилась, чтобы переживать, но и не Синди Кроуфорд.

Да и возраст, глядишь, пять лет пролетели и вот она, пенсия. Потом одернула себя. Какая же она пенсионерка, если до пенсии еще сколько? Вера быстро произвела расчет – по новым правилам, вышло пятнадцать с небольшим.

На седьмом этаже она привалилась к перилам в изнеможении.

«Надо было Косте позвонить, чтобы спустился и помог. Эх, Вера, жизнь прожила, а всему тебя учить надо. Сейчас-то и смысла дергать нет, один пролет остался. Давай милая, постарайся, ты у нас сильная,» – она выдохнула и пошла на по-

следний рывок.

Устало провернула ключ в замке и ввалилась в прихожую. Пакеты бросила у входа, выпрямилась и стянула с плеч пальто. Щеки горели и она никак не могла выровнять дыхание.

– Кость, забери продукты, – Вера сбросила сапоги и остановилась у зеркала. Сняла берет, поправила волосы рукой.

– Привет, ты сегодня рано, – муж вышел в коридор в фартуке и с полотенцем через плечо. Вера только рукой махнула.

– Молчи, думала до утра сидеть буду.

– Давай за стол, потом расскажешь, – он взял пакеты и вернулся на кухню, а Вера отправилась в ванную совершать ежевечерний моцион.

– Кость, поставь чайник! – крикнула, втирая в руки крем.

– Запоздало вспомнила, что не переоделась в домашнее, и пошла на кухню как есть.

– Садись, я сам накрою, – Вера спорить не стала. Села на диванчик и вытянула гудящие ноги.

– Ольга все-таки ушла на БС (отпуск без содержания – прим. Автора), – Вера с удовольствием наблюдала за тем, как муж хлопочет у плиты.

Сняв с казана крышку, он зачерпнул большой ложкой плов и выложил на тарелку. Вера услышала пьянящий аромат пропитанного утиным жиром риса с легкими нотками чеснока, специй и барбариса, и довольно зажмурилась.

– А я тебе говорил, что так и будет, – Костя поставил перед Верой тарелку и, взяв в руки вино, откупорил.

– Что за повод? Ммм, как же вкусно, – она разломилла пополам кусок белого хлеба и обмакнула в растекшийся по тарелке сок.

– Бережем фигуру? – Костя улыбнулся и наполнил ее бокал.

– Только не сегодня. А ты?

– Я пока готовил наелся, – и через секунду добавил. – А вина с тобой, пожалуй, выпью.

– И, понимаешь, вроде надо рассердиться, она же всех подставила, не только меня, но не могу.

– Она беременная, а не больная, я бы на твоём месте ей написал.

– Чтобы она раньше срока родила? – Вера мотнула головой, – Бог ей судья, скоро и без меня будет чем заняться, – они чокнулись, оба сделали по глотку. – Точно не хочешь? Получилось очень вкусно.

– Точно, ешь, – он повертел ножку бокала длинными ухоженными пальцами.

Вера отметила, что сегодня Костя выглядел особенно хорошо. Опрятный, как всегда чисто выбритый. С легким покраснением от очков на переносице, так хорошо ей знакомым.

– Как твой день? – спросила, делая еще глоток.

– Нормально, провел одну операцию, вторую перенесли на послезавтра, там с анализами не все хорошо, – он вздохнул и отставил бокал.

Посмотрел на Веру.

– Устал, наверное? А я тут со своими квартальными, – она взяла его ладонь в свою. – Тост. За неподобный ужин и бесценные твои руки, – Костя бокал поднял, но в ответ не улыбнулся.

И вроде все как обычно, но почему-то екнуло в груди.

– А ты что не переоделся?

– Уходить собрался, – Костя прокашлялся, словно собираясь с мыслями.

– Куда? – спросила и вилка с пловом замерла на пол пути, таким отстраненным, словно направленным сквозь нее, был Костин взгляд.

– Ухожу... от тебя.

– Ухожу... от тебя.

Сказал как отрезал, и ладони вытянул по обе стороны от бокала. Вера отметила про себя, что они не дрожат.

Конечно, у хирурга руки дрожать не будут.

Повисла пауза, тяжелая и густая. Вера отложила вилку на край тарелки и потянулась в бокалу с вином.

Вера не хирург и пальцы у нее дрожали.

Много раз представляла себе этот разговор. По разному вертела, как кубик Рубика собирала, и так и эдак. Все варианты прорабатывала, что он скажет, что она ответит. Готовила себя, зная, что бесполезно, и все равно резануло по сердцу. Не думала, что так просто, так буднично скажет.

Обвела глазами стол. Вот зачем такой обходительный се-

годня, ужин приготовил, вина налил, чтобы расслабилась. Готовился основательно, как к операции, а, может, для него это и была вторая операция? Знает ведь, что по живому режет, без анестезии.

Вера посмотрела в коридор. На полу, рядом с ее сапогами, стояла спортивная сумка. Как она сразу не заметила? Не думала об этом, вот и не заметила.

Значит, не шутит.

– Вера... – позвал тихо, но она мотнула головой, чувствуя, как лезут в глаза непрошенные слезы. Подняла взгляд к аквариуму над барной стойкой и перестала моргать. – Дело не в тебе.

Еще лучше!

– Я так больше не могу, поверь, для тебя это даже лучше... говорить пока никому не будем, да и разводиться я не собираюсь... квартира тебе останется, я ни на что не претендую, а вещи... Вер, вещи я часть уже перевез, остальное потом заберу... хочешь, когда ты будешь на работе...

Он говорил, а у нее внутри росла настоящая Тьма, черная, как сама смерть. И каждое новое слово делало только больнее.

Заткнись же ты, черт побери!

– Вер, ну, прости... – еще чуть-чуть и прольются горечью по щекам постыдные слезы, так и не принеся облегчения.

Костя взял Веру за руку, погладил по пальцам, а она не могла заставить себя пошевелиться. Боялась, что если дер-

нется, то заплачет, нет, разрыдается, разобьется на куски и больше никогда себя в целое не соберет.

– Я прошу тебя, Вера, только не плачь...

Слезы стекали по подбородку и капали на грудь. Это черная дыра на месте сердца притягивала их, вне всяких сомнений. Вера закрыла глаза, новые слезы устремились во тьму, и она отдернув руку, встала.

– Я их уже кормил сегодня, – она сделала вид, что не слышит. Высыпала горсть корма и стала смотреть, как рыбки кружат вокруг. – Вер, обрати на меня внимание! Ну, что ты молчишь?

– А что ты хочешь, чтобы я сказала? – ответила тихо, почти шепотом.

Испугалась, что если напряжется сильнее, то закричит, бросится с кулаками. Не глядя на Костю, взяла бокал и выпила вино залпом. Где-то был флакон с валерьянкой...

Вера открыла шкафчик. От выпитого ее немного повело и Костя встал, удерживая Веру за локоть.

– А вот это плохая идея.

– Руки убери от меня, – Костя мягко, но настойчиво забрал у нее флакон и усадил за стол.

Не так она себе это представляла.

– Кто она? – спросила и тут же пожалела.

Как унизительно, но вопрос вырвался сам собой. И назад его не забрать.

– Это не важно...

– Мне важно. Я хочу знать, имею право! – Костя молчал. – Я ее знаю?

Вера задумалась. Маша из мясной бакалеи? Вряд ли. Слишком дородная да и, кажется, замужем. Тогда Лена из больницы? Или одна из молодых аспиранток?

От осознания того, что Костя уходит от нее к молодой аспирантке, снова расплакалась.

– Ну, Вера, ну, пожалуйста... зачем тебе это? Зачем себя мучать? Да, мы не будем больше жить вместе, но мы можем видеться, у нас общие дети, и... официально мы же не разводимся... ты можешь вообще никому не говорить, если боишься осуждения со стороны.

– Боже мой, кто ты!?! Кто ты такой, чтобы говорить мне об осуждении со стороны!?! – Костя дернулся, лицо побелело. – Она молодая, да? Красивая, гибкая... сексуальная, – Вера всхлипнула, не в силах остановиться. Жалость к себе захлестнула с головой. – Конечно, она красивая, ей же не пришлось вынашивать и рожать тебе двойню, потом годами не спать по ночам, забывая о себе, о работе, обо всем! Конечно, сдай старую Веру в трейд-ин и возьми новую! С доплатой, зато перед друзьями не стыдно будет!

– Да какой трейд ин, Вера! У меня другой мужчина!

ГЛАВА 2. ТОЧКИ НАД і

– ...Мужчина? Ты, – она сглотнула, проворачивая слово на языке, прежде чем сказать вслух. – Гей?

– Ой, Вера, пожалуйста! – Костя дернулся, встал из-за стола, открыл и снова закрыл казан крышкой. – Уж ты-то не вешай ярлыки!

– То есть как это? А как по-другому это называется? Содомит? Голубой? Человек дождя?

– Не стыдно? – Костя обернулся, скрестив руки на груди. – Вот что ты за человек?

– Мне? Не стыдно? – Вера тоже встала, вилка звонко ударилась об пол. – За то, что назвала тебя по имени? Или лучше будет сказать по призванию!

Она могла бы понять измену, бес в ребро и что там еще происходит с мужчинами старшего возраста. Закрутил роман с сослуживицей, увлекся молоденькой аспиранткой, вновь почувствовал вкус жизни, это так предсказуемо! Вера была к такому готова. Она, по крайней мере, могла себе это объяснить.

Но... гей!?

Ее муж испытывал влечение к мужчинам, Господи! Он изменял ей с... мужчиной! Вера, как не старалась, не могла уместить эту мысль в голове.

– И... как давно? – Костя вздохнул, наклонился за вилкой

и сел за стол.

– Всегда, Вера... всегда.

Это был удар ниже пояса. Мысли о возможных заболеваниях вытеснило это его «всегда». Вера отвернулась и зажмурилась.

Всегда. Всегда.

Двадцать пять лет жизни.

ВСЕГДА.

Их свадьба, первая неудачная беременность и долгие пять лет проб и ошибок, долгожданная двойня, мальчики, как же она гордилась! Вера зажала рот ладонью. Сыновья и двух месяцев не проучились в летном училище, что теперь будет с ними?

– Кто еще знает? – она обернулась к Косте, сверля его глазами, готовая разорвать на месте, если получит неправильный ответ.

– Никто, – ответил и посмотрел на нее как на умалишенную.

– Летное училище, Костя, – проговорила холодно, чеканя каждое слово. – Если ты еще помнишь.

– Я знаю лучше твоего, давай без истерик, – он сделал глоток и тут же отставил бокал с вином подальше.

Оба замолчали.

Вера пыталась собрать в голове головоломку под названием «моя жизнь», Костя ждал. Получалось неважно. Слишком много переменных, слишком много деталей с неравным

количеством граней. Вера посмотрела на мужа и с неприязнью отметила, что уже никогда не будет воспринимать его так, как прежде.

Вспоминая зависть подруг, хваливших его за прекрасный вкус и умение самостоятельно подбирать галстук к рубашке, уважение родителей к спокойному, сдержанному темпераменту и бескомпромиссной чистоплотности, Вера смеялась в глубине души и рвала на себя волосы.

А как осторожно, ненавязчиво он давал советы касательно ее собственного гардероба!

И она, глупая, гордилась широтой его взглядов, принимая гомосексуальность за любовь. Никогда больше его ухоженные руки с длинными красивыми пальцами не будут будить в ней эротические воспоминания. И его туалетная вода, пряная, с мягкими цветочными нотками, теперь, казалось, кричала о Костиной ориентации. Вера подавило тошноту.

Ее муж – гей и уходит от нее к... мужчине. И Вера не знала, считается ли это предательством в полном смысле этого слова?

Как она могла сравнивать себя с женщиной? Как можно ревновать... мужчину к другому мужчине? Будь он хоть трижды идеальный домохозяин, пекарь, любовник – Веру передернуло – это другая весовая категория.

Чуждая, непонятная Вере Вселенная.

Нет, она не чувствовала той страшной, выжигающей расщепленности ревности, которую могла бы испытать к другой жен-

щине. Но она чувствовала едкую горечь предательства, сожаления о брошенных в пустоту годах. Признание Кости поселило в ее душе призрак сомнения, сместив когда-то непоколебимую систему координат.

Зачем она была нужна ему? Женщина-прикрытие? Женщина – защита от осуждения? Чтобы притворяться, быть как все, ходить с мужиками на рыбалку – а на рыбалку ли он ходил?

Все, чему Вера верила в супружеской жизни, все, к чему относилась с такой теплотой, рухнуло, обнажив изъеденный ложью фундамент. Вера чувствовала себя обманутой, брошенной, использованной.

Как могла она считать свой брак счастливым? Брак, построенный на лжи.

– Почему? – она села к столу и отодвинула тарелку к центру. Между глаз пульсировала тупая боль. Костя пожал плечами, откинулся на спинку стула.

– Захотел, – он вздохнул. – Захотел пожить для себя. Дерево я посадил, сыновей вырастил, дом почти достроил, – он криво улыбнулся.

– Значит так, для себя, – Вера проглотила обиду. Мертвая корка на сердце лопнула, пуская свежую кровь. – А я, значит, не в счет? Штирлиц раскрыт, прикрытие без надобности, да? – к глазам подступили горькие слезы.

– Нет, Вера, нет! Ты – мой самый близкий человек, мой самый лучший друг! Навсегда.

– Заткнись, Господи, просто закрой рот! – она дернула рукой.

По-настоящему замахнулась, захотела ударить его по лицу, наотмашь, чтобы в ушах зазвенело, но промахнулась и опрокинула бокал. Вино разлилось, хрустальная чаша отломилось от ножки.

Костя встал, молча вытер вино, выбросил бокал.

– Мне нравятся и мужчины, и женщины, Вера, понимаешь? Просто... просто я сделал выбор... да и ты, разве бы ты согласилась на мою двойную жизнь?

Вера точно знала, что нет.

Ради мальчишек еще подумала бы, но не ради него.

– И кто в вашей паре сверху? – она посмотрела на Костю прямо, с вызовом. Просто не смогла простить четверть жизни, выброшенной на помойку.

Костя думал над ответом недолго.

– Люблю анальный секс, – и встал из-за стола. – За вещами приеду, когда будешь на работе.

Вера окаменела. Рыбки мельтешили перед глазами, собирая со дна опавший корм, а сердце рвалось на части от каждого удара.

Боль. Боль. Боль.

Говорят, родовая боль быстро забывается, но не для Веры.

В роддом Костя привез ее с раскрытием в семь пальцев. Боль на схватках была адская, хватало часто, каждые полминуты. Вера чувствовала как раскрывается шейка, и выла, как

раненое животное.

В род зал поступила уже в потугах. Кое-как забралась на кресло, акушерка подбадривала, молодая такая, в белом чепчике, чистенькая, словно только из университета.

На первой потуге промежность резануло. Почувствовала, как уперлась и проскочила Пашкина головка. От облегчения расплакалась. По бедрам потекла горячая кровь.

– Куда иголку берешь!?

– Так порвалась же, зашивать надо...

– Какой зашивать, у нее второй на подходе! Давай милая, тужься, ну-ка!

Вовчик крупнее был, хоть и младший. Так за братом तो-ропился, что порвал Веру от влагалища до ануса. Не просто порвал, а как тузик грелку. Боль эту, на фоне несказанного облегчения от потуги, она не забудет никогда. И кровь горячую на бедрах, стук ее о кювет из нержавеющей стали под ногами.

Как шили Вера не помнила, врач сказал, сознание потеряла. Не помнила и как детей к груди прикладывали и прикладывали ли. В себя пришла уже в палате. В туалет неделю не ходила по большому, боялась. Похудела сильно, оттого и молоко ушло быстро.

Потом жалела себя, грешила на аспирантку молодую, неопытную. На врача, который поставил зеленую девчонку на двойню, вместо того, чтобы самому принимать, да что толку о прошедшем горевать.

Вера полтора месяца сидеть потом не могла. Сексом раз-

решили заниматься через два, но о том, чтобы вернуться к любимому Костей «шоколадному» проникновению не могло быть и речи.

Вера отнекивалась так долго, как могла.

Один раз уступила, умел Костик быть убедительным. Проплакала потом всю ночь, кровотечение открылось, увезли в больницу. На этом эксперименты прекратились.

С двойней тяжело, сначала не до секса было, так оба уставали. Потом на работу вышла. И, хоть грудью не кормила, тот случай желание отбил напрочь. Сама не заметила, как спать с мужем стала реже раза в месяц.

Вера задумалась.

Последний раз они занимались любовью полгода назад. Да и можно ли теперь называть это любовью? Вера горько усмехнулась. А ведь ни разу нигде не екнуло, что Косте чего-то не хватает.

Вспомнила брошенные с надрывом слова: «Ты – мой самый близкий человек, мой самый лучший друг! Навсегда» – и прошептала в пустоту:

– Не верю. И никогда больше поверить не смогу.

ГЛАВА 3. РАБОЧИЕ БУДНИ

Прежде чем пойти спать, Вера прибралась на кухне. Настроения не было, но сформировавшаяся за долгие годы привычка взяла свое. Помыть посуду, разложить еду по контейнерам и спрятать в холодильник, убрать крошки со стола.

Вера двигалась механически, почти не задумываясь, что и как делает. Она чувствовала себя уставшей. Ни одной стоящей мысли в голове.

Только прибраться и спать.

Но, странное дело, домашние заботы не только занимали руки, но и разгружали голову. Подумаешь, любит он анальный секс. А она любит сыновей больше всего на свете.

Мысль о Паше и Вовке отдалась новой болью в висках. Вера не представляла, как будет скрывать от них ориентацию отца. До увольнительной можно что-то придумать, но на Новый год мальчики приедут обязательно, и что тогда? Как она объяснит им отсутствие Кости за праздничным столом?

Накрыв ладонью выключатель, Вера вышла в темный коридор и наощупь прошла в спальню. Свет включать не стала, стянула через голову водолазку, бросила на пол юбку, кое-как избавилась от колготок и забралась под одеяло.

Как же все это странно.

Если бы Костя заявил, что уходит к молоденькой аспирантке, Вера бы рыдала в подушку, кляня жизнь и упиваясь

жалость к себе. У нее бы осталось право чувствовать себя обманутой, брошенной и – самое ужасное – старой.

Но Костя...

Костя ушел к мужчине.

Вера зажмурилась. Из всего списка переживаний осталось только одно. Чувство, что ее жизнь, ее радости и достижения обесценили одним взмахом руки.

И все же, кто этот мужчина? Вера почему-то не сомневалась, что знает его. Нужно только напрячь память и сложить два плюс два.

...И как они это делают? Целуются ли, глядят друг друга, ублажают ртом? Вера понятия не имела. На секунду она представила Костю в объятиях другого мужчины и ее перевернуло от отвращения.

Нет, искать любовника мужа сейчас она точно не готова.

Вера перевернулась на другой бок и просунула под подушку руку – еще вчера она нашла бы там Костины пальцы, теплые и такие родные, сжала крепко, в ответ получив нежное поглаживание по внутренней стороне ладони...

Вчера, но не сегодня.

Вера отмахнулась от воспоминаний, не позволяя жалости взять верх. Кости больше нет. Унизительное положение, в которое он поставил Веру своим признанием, лишило его права занимать ее мысли. Она скинула с кровати вторую подушку и отвернулась к стене.

Эту ночь Вера спала плохо, и, когда зазвонил будильник,

она с облегчением откинула одеяло и стала собираться на работу.

За ночь дождь превратился в мокрый снег и первые заморозки сковали коркой осенние лужи. Термометр показывал минус три, холодновато для начала октября. Раздумывая, брать ли сегодня машину или поехать на автобусе, Вера собрала завтрак и принялась за макияж.

Она никогда не красилась ярко, считая свой возраст достаточным препятствием для любого вида боевого раскраса. Легкие тени нюд, немного туши на завитые пыточным агрегатом ресницы и бледно-розовая помада. От природы у Веры были яркие сочные губы и она всегда стеснялась их, намеренно выбеляя.

Карие глаза с сеточками морщин в уголках она любила больше. Выразительные и пронизательные, они были зеркалом ее живой некогда натуры, погребенной под слоем семейных забот. Вера добавила немного консилера под глаза, чтобы скрыть следы бессонницы и, взяв с полки берет и сумку, вышла из квартиры.

Тяжелая подъездная дверь поддалась не с первого раза, и, выйдя на улицу, Вера чуть не упала, поскользнувшись на ступенях. Никто не позаботился о том, чтобы посыпать лед песком. Она осторожно прошла по тротуару и села в машину.

Зябко поводя плечами, Вера включила зажигание и положила руки на руль, выдыхая облачка пара. В свете уличного

фонаря блеснул золотой ободок на безымянном пальце. Она раскрыла ладонь, задумчиво прокрутила обручальное кольцо.

Снять или не снять?

Глупый вопрос, конечно, риторический, прямо скажем. О том, что они больше не семья, никто не знает. Отсутствие кольца, конечно, заметят, и промолчать не смогут. Уж свой коллектив она знает как облупленный.

Может, переодеть на левую руку? Или вообще, повесить на цепочку, как вдова? Вера подавила злорадную улыбку и надела перчатки. Нет, унижаться и выставлять напоказ свою жизнь она точно не станет. Ни на работе, ни где бы то ни было еще.

Утренняя планерка прошла как по маслу и настроение Веры немного улучшилось. До обеда она сводила ведомости, а после, собравшись своим, как они называли его, «женским кабинетом» – Вера, Зоя, Лена и Марина отправились на перерыв в столовую.

В бизнес-центре, в котором она работала, их было две. Точнее, один ресторан, где женский кабинет собирался по праздникам, так как цены не располагали к неформальной и расслабленной обстановке, и столовая в подвальном этаже, куда на обед стекались офисные работники со всего здания.

Вера работала на третьем, и, как следствие, к обеду они всегда приходили первыми. Столовую держала деловая дородная армянка Анаит. Готовила она, в общем неплохо,

только малость перебарщивала со специями. Расплатившись за борщ, макароны с отбивной и компот, Вера влилась за стол женского кабинета, самый большой и удобный на территории столовой.

– Мать моя женщина, Вера, что это? – Зоя состроила большие глаза и, заправив рваную розовую челку за ухо, ткнула в нее ложкой.

– Мой обед, – Вера спокойно улыбнулась и принялась за еду.

– Нет, вы это видели? – Зоя тряхнула головой.

Короткие пряди каре на ножке рассыпались, вновь бросая челку на лицо. Она была ненамного старше Веры, но упорно отказывалась признавать свой возраст и молодилась, как могла.

– Ты хоть представляешь, сколько калорий у тебя в тарелках?

– Зой, дай человеку поесть, – Лена методично размешивала сметану в борще.

В отличие от Зои, она четко осознавала и свой возраст, и место в пирамиде женско-мужских координат. Каштановые волосы уложены в безукоризненное удлиненное спереди каре, белый ворот водолазки скрывал следы от ожогов на тонкой мраморной шее.

Вера молчала.

– Ох, я хлеб забыла, – Марина, самая молодая из них, птичкой выскочила из-за стола. – Вам взять? – Зоя выказала

категоричный отказ, Лена и Вера кивнули.

– Ты сегодня какая–то грустная, случилось что? – Лена посмотрела на Веру.

Говорила она тихо и размеренно. Вера знала ее больше пятнадцати лет, десять из которых они проработали бок о бок.

– Плохо спала, – Вера пожала плечами.

– Я тебе завтра патчи под глаза принесу, мои на черепаховом молоке – чудо как хороши, – авторитетно заявила Зоя. – Мигом избавишься и от бессонницы, и от синяков под глазами.

В отличие от остальных, Зоя в столовой ничего не брала, предпочитая свою еду. Марина в первый раз увидев ее приготовления, назвала Зою космонавтом, так и прижилось.

На столе появился шейкер, яркий пакет с сухим порошком и кипяток. Марина, вернувшись за стол, прыснула.

– Поехали! – Лена и Вера улыбнулись.

– Вообще-то, за моей диетой – будущее, – Зоя высыпала содержимое в шейкер и принялась взбалтывать. – Пока ваши желудки будут пыхтеть, расщепляя жиры, белки и углеводы, мой организм получит полный комплекс микроэлементов на блюдечке с золотой каемочкой.

– Твой желудок схлопочет язву, – перебила ее Лена. – Зой, завязывай уже с сетевым, а? Нам это точно не интересно.

– Крем для ног у тебя уже сколько? – Зоя переложила шейкер в другую руку.

– Да, крем хороший. Но крем – это не еда, – возразила Лена.

– Так производитель один и тот же! – Зоя поставила шейкер на стол, открыла крышку и Вера почувствовала сильный запах малины с корицей.

– А мне это все напоминает легкие наркотики, – вставила Марина. Лена и Вера переглянулись, Зоя молча уставилась на нее.

Птичке только исполнилось двадцать четыре. Молодая, неопытная, она пришла в организацию сразу после университета и за неимением других мест, была представлена ко двору женского кабинета.

Вера взяла ее под свое крыло и последние три месяца медленно и терпеливо обучала премудростям бухгалтерской профессии.

– Ну, помните, как в сериале «Во все тяжкие»? – женщины переглянулись и Марина продолжила, забросив густые темные волосы за плечо. – Ну, там учитель химии создал новый мет и с помощью бывшего ученика стал продавать, деньги пошли рекой, потом об этом узнала мафия...

– Блииин, молчи! Что я сейчас вспомнила! – Зоя перебила ее на полуслове, что было странно, так как она любила подкалывать Маринку, когда та несла всякую чушь.

Вера только покачала головой. Сериал про то, как учитель торгует метамфетамином, да еще и сваренным собственноручно, куда катится мир? А ведь Марина не намного старше

ее сыновей. Если это крутой сериал, то что же смотрят они?
– Я вам сейчас такое расскажу, вы с ума сойдете, – Зоя сделала глоток энергетической смеси и улыбнулась. Судя по выражению ее лица, история обещала быть горячей. – Я вчера тоже новый сериал смотреть начала. Как называется не помню, но вся соль не в этом, – она бросила короткий взгляд на Марину и понизила голос. – Затравка такая. Две пары, дружат уже сто лет. И вот, на каком-то там юбилее совместной жизни, мужья заявляют женам, что они уже давно любят друг друга и собираются жить вместе! – Зоя засмеялась, а у Веры все поплыло перед глазами. – Жены в шоке, а голубцы под ручку и из кадра вон.

– Не поняла, – перебила Марина. – А сериал-то о чем?

– Так вот о том, как сложилась жизнь этих женщин. Ну, с второстепенными флэш беками.

– Вот это поворот! – Марина зажала рот рукой и захихикала. Вера слушала и не слышала их. – И что они? Прямо все напоказ?

– Да я только одну серию посмотрела. Еще под впечатлением, представляешь, такой трюк? Дорогая, познакомься, это Эдик, и я его люблю! – теперь настала Зоина очередь смеяться.

– Фу, Зой, ну ты как всегда! – Лена махнула рукой, запиная досаду соком, а Вера не могла пошевелиться.

Смех, колкие замечания, гадкие шуточки – каждое слово электрическим разрядом било по нервам. Аппетит пропал,

отложив ложку в сторону, она коснулась переносицы.

– Вер, ты в порядке? Не заболела? – Лена дотронулась до ее руки и Вере пришлось сделать над собой усилие, чтобы не нагрубить.

– Нормально, голова только болит.

– Это все твои переработки. Отпросись у Палыча, отлежись полдня, а то сляжешь, как мы без тебя будем год закрывать?

– Нет, я нормально, чай возьму и пройдет, – Вера встала и вышла из-за стола.

Признаться в том, что она не хочет возвращаться в пустую квартиру, Вера не могла даже себе.

ГЛАВА 4. Я ТЕБЯ ЗНАЮ

Так прошла неделя, за ней другая.

Вера вставала на работу, писала отчеты и сводила ведомости, задерживаясь допоздна. Когда кто-то из женского кабинета упрекал ее, отмахивалась нежеланием стоять в пробках.

Домой возвращалась глубоко под вечер, перекусывала перед телевизором и ложилась спать. Почти каждый день она спускалась и поднималась пешком, даже если лифт работал. Странно, но физически активное тело было меньше расположено к пространным размышлениям.

Вера концентрировалась на простых движениях, подмечая все мелочи. Как ставит носок на ступеньку, как берет в руки поручень, как толкает дверь плечом. Как дышит и холодный воздух опаляет разгоряченные долгим спуском легкие.

Она больше не носила домой тяжелые пакеты с едой. Кормить троих мужчин, конечно, тяжело, но, по большей части, приятно. Когда сыновья уехали жить в общежитие при училище, она стала готовить на двоих.

Хотя, чего греха таить, Костя нередко стоял у плиты, а ей отправлял смс с перечнем продуктов и деньги на карту. Так что Вере оставалось лишь заполнять холодильник и наслаждаться блюдами, приготовленными мужем.

Костя любил возиться на кухне, а уставшая Вера боль-

ше всего не любила спорить и без ропота уступала ему чисто женскую территорию. Сейчас эти воспоминания будили в ней едкую улыбку.

Оставшись одна, Вера совсем перестала готовить. Просто не чувствовала потребности себя чем-то баловать. Она отваривала картошку, макароны с сосисками, ела, чтобы утолить голод, но не более. Ей казалось скучным тратить время на кулинарные подвиги, которые все равно никто не оценит.

А времени у Веры теперь было предостаточно. И она совершенно не представляла, что с ним делать.

Вера вспоминала себя во время первых двух лет после рождения детей. Как она мечтала о тихом, уединенном месте, где не будет никого. Где можно поставить жизнь на паузу и просто выдохнуть, закрыв в тишине глаза. Дочитать начатую книгу, спокойно принять ванну или сходить на кулинарный мастер-класс. Когда-то Веру мама научила вязать, но мальчишки были таким любознательными и шустрыми, что она побоялась связываться со спицами.

Паша и Вова звонили ей каждую неделю. Вера болтала с ними непринужденно, спрашивала о жизни в училище, хвалила за учебу, давала наставления и, конечно, как и любая мать, очень скучала. На все вопросы мальчишек про свою жизнь отвечала уклончиво. Во время таких разговоров, Костя либо был на дежурстве, либо купался, либо ушел в магазин за продуктами.

Вера врала без особого желания, сжимая трубку побелев-

шей от напряжения рукой, но делала это виртуозно. В конце концов, она перестала бояться звонков от сыновей и даже, иногда, сама им набирала перед вечерним отбоем. Знать, что у них все хорошо, было для нее так же необходимо, как дышать.

Как и обещал, Костя забрал свои вещи, когда она была на работе, оставив зеркальный шкаф в спальне наполовину пустым, но не тронул ничего из совместно нажитого, кроме бритвы и машинки для стрижки, которую она подарила ему на Новый год.

В тот вечер Вера долго плакала, не в силах смириться с тем, что все-таки осталась одна. Иллюзий по поводу того, что женщина за сорок может найти себе мужчину, она не питала.

Вера ужинала, когда зазвонил телефон.

– Спишь? – спросила Надя и Вера заложила телефон между плечом и ухом.

– Нет, привет.

– Костя там не подслушивает? – Вера скривила губы.

– Нет, что случилось?

– Да так, была сегодня у Палны. Миома не подтвердилась.

– Ну, так это же хорошо, – Вера улыбнулась, наливая чай. – Какие еще новости?

– Ну, кроме того, что сегодня моя жизнь закончилась, больше никаких.

– Не поняла...

– Отстрелялась баба Надя.

– В смысле «острелялась»? – Вера, озадаченная, присела за стол.

– Что в смысле, Вер? – Надя вспыхнула. Она была старше почти на десять лет и никогда не отличалась большим терпением. – Климакс мне Пална поставила, понимаешь? Пришел, зараза, когда не ждали!

Вера непроизвольно прыснула.

– Так, вроде пора уже.

– Спасибо, умеешь поддержать! – но Вера смеялась и никак не могла остановиться. – Подожди, скоро будешь на моем месте... – не унималась Надя.

– Ну, извини. Мы все там будем, ты поэтому такая возбужденная?

– Ну, да. Климакс, знаешь, не каждый день наступает.

– Так и радуйся. Свое ты отработала, теперь внуков нянчи и мужа люби без зазрения совести.

– Любила бы, коли было что любить, – теперь уже они обе рассмеялись. – А Костя где? – Вера замялась.

С сестрой у нее всегда были близкие отношения, но открываться Вера была не готова.

– На дежурстве, – наконец тихо ответила и замолчала. На том конце провода тоже повисла тишина.

– Вер, – наконец сказала Надя. – У вас что-то случилось? – и так как Вера ничего не ответила, продолжила. – Мы с Ваней его сегодня в магазине встретили...

– Ну, так, наверное, уже домой едет, – она встала и про-

шла по кухне, перебирая пальцами золотую цепочку на шее.

– Что-то не похоже, чтобы он домой собирался. Он, знаешь ли, не один был.

Вера прикрыла глаза. Вот Надька... сколько живет, а мягко стелить так и не научилась.

– А с кем? – Вера постаралась придать голосу безразличный тон.

– Не знаю, парень какой-то... – сестра замялась. – Рыжий такой, молодой...

Вера чудом удержалась от нервного смешка. Судя по описанию, речь шла о Жене, молодом аспиранте, который у Кости писал диплом. Почувствовала, как что-то кольнуло в груди. Ее предположения были не далеки от истины, но, черт возьми, как неприятно это слышать! Она села за стол, обхватила рукой чашку с чаем и тут же отдернула обожженные пальцы.

– Как тесен мир... – прошептала Вера в трубку.

– Говори громче, не слышу ничего!

– Я говорю, ну и что? Это Женя, он у Кости диплом пишет, аспирант...

– Они поэтому целовались? – Вера закрыла глаза. – Ванька, если узнает, что я тебе рассказала, убьет на месте. Но, а я подумала, как о таком молчать? Ты сестра мне или нет?

– Надь...

– Они в крупах стояли, знаешь, там же тупик и двери для

разгрузки только для персонала... народу мало, а мы мимо проходили как раз... и я так что-то ничего не поняла, что это было, Вер?

Она закрыла лицо руками, издалека слыша взволнованный голос сестры. Не хотела Вера об этом говорить, безропотно и молчаливо приняла навязанные Костей условия их нового положения, а он так бездарно прокололся, как мальчишка...

– Алло, Вера, ты тут? Ты меня слышишь, все хорошо? Вер, алло!

– Да, я тут, – она снова приложила телефон к уху и устало добавила. – Я знаю.

– ...Знаешь? – Надя опешила. Вера слышала ее тяжелое дыхание.

– Дыши, Надя, выдыхай, – Вера грустно усмехнулась.

– Как давно?

– Не телефонный это разговор...

– Приеду в субботу утром.

– Не надо, Надь, я пока не готова...

– Я сказала, буду на выходные у тебя. С ночевкой. Он же квартиру тебе оставил, – сказала Надя и в голосе не было вопроса. – Возьму бутылочку и ты мне все расскажешь. Вот, козлина!

– Ладно, давай не будем...

– Нет, ну надо же, какой уж, сколько лет скрывался и что б вот так! Еще как будем! – Вера почувствовала, что Надя

завелась, но выдерживать батальон сестринской поддержки сегодня была не в состоянии.

– Надь, я прошу...

– Совсем плохо, да? – Вера задумалась.

За прошедший месяц в ее жизни не особенно что-то изменилось. Да, она грустила, ей бывало страшно засыпать одной в квартире, но в общем и целом, не так уж и плохо. Она смотрела любимые передачи, иногда ложилась поздно и никто не гундел над ухом, что она, как маленькая девочка.

– Пока справляюсь. Ну, до выходных? – Вера хотела поскорее закончить разговор.

– Да, держись. Я тебя люблю.

– И я тебя, – ответила Вера и повесила трубку.

ГЛАВА 5. ЛЮБОВЬ НА КОЛЕНЯХ

В пятницу вечером Вера вышла с работы в начале седьмого. Была середина ноября и большие пушистые снежинки кружили над головой, садились на щеки и таяли от ее дыхания. Припаркованные у бизнес-центра машины укрыл снег, как и асфальт вокруг. В свете неоновых вывесок, он казался раскрашенным во все цвета радуги. Вера ощутила волнение, словно Новый год был уже завтра.

Вспомнила, что на антресоли лежит большая коробка со стеклянными шарами, которую она не доставала несколько лет, и решила, что в этом году, не в пример предыдущим, обязательно нарядит елку.

По пути домой Вера заехала в магазин и основательно закупилась. Взяла бутылку хорошего шампанского, две банки икры и килограмм мандаринов. Решила себя побаловать и добавила палку сырокопченой колбасы. Да и Надя ее любит.

Укладывая пакеты в машину, Вера думала, что нужно еще провести ревизию во всей квартире и избавиться от накопившегося хлама. И с чистого листа встречать год грядущий.

Костя не звонил. Видимо ему все равно, как Вера справлялась с предательством. Она думала, что после нечаянной встречи с сестрой, он объявится, но ошиблась. Вера стала для него прошлым. И пора бы ей тоже его отпустить.

Она остановилась на красный светофор и бросила взгляд

на вывеску торгового центра. Новые кто-знает-какие-по-счету Елки приглашали в кино, обещая незабываемые приключения. Что-то щелкнуло в груди, и Вера улыбнулась. Почему бы и нет? Недолго думая, она свернула к кинотеатру.

Комедия была наивной, но веселой, и отлично справилась со своей задачей – подняла Вере настроение, так что домой она вернулась в одиннадцатом часу. На крыльце у подъезда курил сосед.

В расстегнутой, несмотря на мороз, куртке и без шапки, он глубоко затягивался, выпуская в небо густые клубы табачного дыма. Вера поднялась по ступеням и, переложив пакеты из одной руки в другую, стала шарить по карманам.

– Вечер добрый, – Коля улыбнулся и предвосхищая ее движение, открыл перед Верой дверь.

– Спасибо, как всегда выручаешь.

– Не за что, Верочка. Может, помочь с пакетами? Лифт-то опять не работает.

– Как они замучили с этим лифтом, ей Богу! Спасибо, Коля, но я Костю попрошу, – Вера улыбнулась и проскользнула в теплый подъезд.

– А он дома что ли? – Коля задрал голову, отсчитывая вниз два этажа от крыши. – Темно у вас.

– Спит, наверное, – Вера пожала плечами, теперь уже вымучивая улыбку. – С дежурства, сам понимаешь, – Коля последний раз затянулся и выбросил бычок через плечо.

Вера поморщилась. И для кого, спрашивается, у подъезда

урна стояла?

– Как же ты его попросишь, раз он спит. Давай сюда, – Вера вздохнула, но отказывать не стала. Передала Коле пакеты, и, расстегнув пуховик, пошла следом. – Объявление видела?

– Какое?

– Завтра в пять общее собрание собственников жилья. Вениамин Валентинович будет вещать о планах на год грядущий, – Коля остановился и обернулся к Вере. На лице его играла хамоватая улыбка.

– Лучше бы он лифт починил, – Вера вздохнула. – И дверь в подъезд нормальную поставил.

– Вот, правильно говоришь! Ты им завтра, Верочка, вы скажи все, как на духу! Глядишь, что-нибудь да изменится, – Коля снова остановился.

Вера посмотрела на него снизу вверх.

– *Изменится все, когда ты жопу свою от дивана оторвешь и доводчик отрегулируешь, слесарь хренов!* – неожиданно зло подумала она, а вслух сказала. – Если бы только это на что-то повлияло. Спасибо, Коль, но я дальше сама, – и, забрав из его рук пакеты, Вера двинулась вверх по лестнице.

– Косте привет передавай!

– Ага, непременно, – она хмыкнула себе под нос и ускорила.

Хорошее настроение, как ветром сдуло.

Ну, вот что за человек? Да, красиво перекладывать ответственность – это талант, не каждый может. Интересно, что

еще она должна сделать? Может, лифт починить или лампочки на этажах вкрутить и защитные колпаки одеть, чтоб не воровали. Или участкового натравить на того, кто мусорные мешки на площадках бросает?

Вера поднималась все выше, чувствуя, как закипает в венах кровь. Как же она устала от недомужчин. Избалованных вниманием и опекой, ленивых, неспособных принять мало мальски твердое решение. И, самое главное, не умеющих брать на себя ответственность.

Между седьмым и восьмым, когда до родных пенат оставался всего один лестничный пролет, Вера остановилась. Опираясь о поручень одной рукой, она никак не могла восстановить дыхание. Шея и спина вспотели, и Вера скинула пуховик с плеч.

– Кто-то идет, слышишь?

– Там никого нет, кошечка...

– Мне здесь не нравится, пойдем лучше к тебе... – легкая возня, визгливый женский смех.

Вера замерла, прислушиваясь.

– Ко мне нельзя, там ремонт, грязь... – Вера покачала головой.

Только этого ей не хватало.

– Нас точно никто не увидит?

Вера запрокинула голову, всматриваясь в пролет между перилами – темно, хоть глаз коли. До самого чердака ни одной зажженной лампочки.

– Конечно, ты сомневаешься?

– Но...

Видимо, рот ей заткнули поцелуем, потому что несколько минут Вера не слышала ничего, кроме возни, приправленной солидной порцией вздохов. Потом раздался смех и о перила ударилось что-то металлическое.

– Вот ты моя умница!

Коротко звякнула молния. На этот раз девушка замолчала надолго. Вера прекрасно знала, что сейчас происходит у нее над головой. Оставалось только решить, что делать самой. Подняться домой, прервав прелюдию или дожждаться финала и выйти на поклон?

Может быть Коля сыграл на нервах, а может быть что другое, но Вера решила не разыгрывать комедию и пошла на приступ.

Поднявшись на площадку восьмого, она полезла в карман за ключами. В паре шагов от нее, на следующем лестничном пролете, творились садом и Гоморра, но Вера дала себе слово, что не обернется ни при каких обстоятельствах. Нащупывая в темноте замочную скважину, она вставила ключ и тут же услышала:

– Какая восхитительная задница, черт меня дер!

Задохнувшись от возмущения, обернулась.

На площадке было темно. Уличный фонарь рассеивал легкий желтый свет на пролет этажом ниже, так что наверху Вера различала лишь силуэты.

Девушка стояла на коленях, с головой уйдя в процесс. Лица парня Вера не видела, но в свете уголька тлеющей сигареты четко различала блестящий на мизинце перстень. Пряжка ремня методично билась о железные прутья перил.

Оба были поглощены происходящим и, кажется, не замечали ничего кругом. Вера покраснела. Было в этом что-то первобытное, яростное и не имеющее ничего общего с любовью. Чистое, не обремененное эмоциями плотское удовольствие.

Конечно, в темноте он не мог ее видеть и наглый окрик не имел к Вере никакого отношения. Молодой оттопыренный зад девицы Вера различала прекрасно даже в темноте.

– О, да... – парень с натужной хрипотцой выдохнул и, отбросив окурок в сторону, оперся свободной рукой о стену.

– Теперь моя очередь, – игриво проворковала девушка, поднимаясь на ноги. Он хмыкнул и, притянув ее за подбородок, поцеловал. В

Веру передернуло и в этот момент все понеслось в тартарары.

– Для окурков, как и для *прочего мусора*, – она сделала особое ударение на последней фразе. – Есть отдельное место – мусорное ведро. Это на будущее.

Не без удовольствия Вера отметила, как девчонка вздрогнула от звука ее голоса.

– А ты, ударница орального труда, запомни. Один раз дала себя на колени в грязь поставить, всегда будешь в грязи

стоять...

– Чего? – когда первый испуг прошел, маленькая шлюшка перешла в нападение, но Вера уже проворачивала ключ в двери.

– Он для тебя денег на нормальную постель пожалел, а ты ему и первое, и второе, и компот...

Закончить мысль Вере не дал глубокий мужской хохот. Положив свободную руку на плечо девушки и даже не потрудившись застегнуть штаны, он смеялся, сильно и громко.

– Ты, че, совсем уже! Она меня...

– Расслабься, – он, наконец-то, вспомнил про штаны и, не переставая смеяться, застегнул молнию и ремень.

– Ха, жаба старая, завидуй молча! Твоя дырень никому и даром...

Но Вера захлопнула железную дверь квартиры раньше, чем до нее добралась лавина гнусных оскорблений. И, несмотря на физическое удовлетворение от сказанного, руки дрожали, а в глазах почему-то стояли слезы.

ГЛАВА 6. ВЫХОДНЫЕ С СЕСТРОЙ

Надя приехала рано утром.

– Что у тебя с дверью? – стряхивая снег с воротника шубы, с порога спросила она.

Вера вышла на площадку. Дверь изрядно потоптали, на крашеной железной поверхности стояли отметины женских сапог – с десятков острых серых треугольников с точкой-шпилькой.

– И не спрашивай, – Вера вернулась в квартиру за тряпкой и, пока Надя хозяйничала на кухне, оттирала это безобразие.

– Ну, неси бокалы.

– Надь, я еще даже не завтракала. Давай омлет сделаю и по ходу разберемся, – Вера встала к плите, а Надя, улыбнувшись, ответила:

– Сама найду, кулинарь, – и скрылась в гостиной.

Через полчаса, посыпав омлет зеленью и тертым сыром, Вера села за стол и сестра, не обращая внимание на тяжелые вздохи, протянула бокал с розовым полусладким.

– Для аппетита, – подытожила она и сделала глоток.

Вера подчинилась.

– Звонил?

– Нет, не звонил.

Надя взяла в руки нож и стала методично разрезать омлет на тонкие полоски.

– А сыновья?

– Надь, ну ты чего? Как я им скажу? – Вера укоризненно покачала головой и сделала еще глоток.

– Да, воинской чести им это явно не прибавит, – Надя снова подняла бокал и Вера нехотя поддержала. – Как живется одной?

Вера грустно улыбнулась.

– Странно... времени свободного много, делаю, что хочу, вязать опять начала, но... – она помолчала немного, словно собираясь с мыслями. – Одиноко, знаешь, меня не покидает ощущение собственной ненужности... Паша с Вовкой уже взрослые, сейчас женятся и буду видеть хорошо если раз в месяц, сама знаешь, как это бывает. А я привыкла...

– Привыкла к рабскому труду? – перебила Надя. – Пахать за четверых ты привыкла в три смены – на работе, дома и в постели. Я тебе, Верочка, так скажу. Не о чем грустить, ясно? Да, окопайся он лет на двадцать раньше, нашла бы себе другого, даже с двумя детьми, но ведь не в мужиках счастье? – она улыбнулась, допив первый бокал. – Я иногда на Ваньку смотрю, так тошно – видеть не могу. Думаю, да быстрее бы уже его смена пришла.

– Зато потом, как соскучишься, тебя днем с огнем не достать, все под боком мурлычешь, – Вера встала за чаем.

От шампанского кружилась голова.

– А ты что, поди по нему скучаешь?

– Ну, так не месяц вместе прожили, Надя. Я ему жизнь всю отдала, понимаешь? – Вера села, сжимая заварник в руках. – Я бы все поняла, было бы хоть какое оправдание – нашел молодую любовницу, обидно, но хоть есть за что себя пожалеть. Людям, в конце концов, не стыдно рассказать. А это? – Вера смахнула слезы и встала.

– Где закрывается одна дверь, открывается другая. Кто знает, что тебя за ней ждет?

– Не говори статусами из одноклассников, я тебя прошу.

– Да нет, я удалила страницу. Там, знаешь ли, небезопасно стало, – Вера повернулась к сестре, в шутку заметила.

– Что, опять школьной любви валентинки писала?

– Ой, Вера, если бы валентинки!

Надя засмеялась и поведала сестре о том, как нашла Стаса в сети, и как ничего не значащий обмен любезностями перерос в полноценный сетевой роман.

– И вот я ему пишу, что буду после работы мимо Меги проезжать и мы там можем встретиться, кофе попить, за жизнь поболтать и как-то так получилось, что страницу закрыть забыла.

– И Ванька увидел? – Вера ужаснулась.

Сама мысль об измене, даже платонической, никак не уживалась в ее системе координат.

– Да, Вера! Что он мне устроил! – Надя закрыла лицо руками и покачала головой. – Я себя двадцатилетней почув-

ствовала, представляешь? Чуть вдрызг не поругались! – Потом засмеялась и добавила. – Вера, так меня ночью зажал... у меня лет десять столько смазки не было!

– Надя, фу! – Вера картинно зажмурилась и обе рассмеялись.

Покончив с завтраком, сестры переместились в зал. Надя с блаженным вздохом легла на диван, Вера, поставив бокалы на комод, села рядом в кресло.

– А давай Девчат, посмотрим, а? Есть у тебя здесь Культура или Домашний?

– Интернет есть, Надя, – Вера взяла в руки пульт и включила телевизор.

Плазму два года назад на годовщину свадьбы им подарили сыновья, все подключили и научили пользоваться. С техникой у Веры всегда было лучше, чем у Кости. Быстро загрузила сайт и вывела на весь экран черно-белое изображение.

– Эх, Вера, как же быстро все вокруг поменялось. Помнишь, у бабушки в доме только радио было и ловило в деревне две волны.

– Зато какие, – Вера улыбнулась.

– О, море, море! Преданным скалам! – она запели вместе, Надя, подражая низкому баритону Магомаева, Вера отражая ее голос в легкое, лирическое сопрано. Допев припев, рассмеялись. В кадре показалась героиня Румянцевой.

– Вот, Вера, бери пример – маленькая, а какой характер!

– Я не такая, – грустно заметила она.

Надя подобралась и подтянув к себе бокалы, прикрикнула.

– Цыц! Бери и пей, не такая! У тебя, можно сказать, новое дыхание жизни открылось – никому ничего не должна, живи и радуйся – хоть завтра в кругосветное путешествие! Или мальчишку себе, как Пугачева, заведи для развлечения.

– Надя, Галкин – голубой, – Вера сделала глоток, пряча в бокале улыбку.

Предложения сестры казались ей сумасшедшими, даром что старше, а все такая же сумасбродная.

– Ну, а ты нормального найди. Чтобы стоял колом и на руках носил, – Надя протянула Вере бокал, они чокнулись, а Вера почему-то вспомнила вчерашнего беспринципного юнца. Нет уж, ей таких экземпляров и даром не надо.

От супа на обед Надя отказалась, вместо этого позвонила в доставку, чем несказанно удивила Веру, и заказала им пиццу, салаты и какой-то вок. Курьер прибыл в течение часа и, разместившись в гостиной на полу, они открыли вторую бутылку.

К вечеру Вера чувствовала легкую усталость и томление. Она была пьяна, но не сильно. Старые добрые Рязановские комедии смотреть с Надей было приятно, как мультики в детстве. Собрав остатки еды, она пошла на кухню ставить чай. Венцом их вечера должны были стать медовые пирожные, купленные Надей.

– Давай помогу, – сестра встала. – Ух, как кружит.

– Сиди, я сама.

– Да, ладно, сама. Всю жизнь сама, отстань, – Надя совсем захмелела и, выхватив из рук Веры коробку с пиццей, пошла на кухню.

– Все, думаю, нам на сегодня хватит, – Вера выбросила остатки еды в мусорку и нажала на кнопку чайника.

– А там что за толпа? – Надя, стоявшая у холодильника, открыла окно и перегнулась через подоконник. Вера испуганно схватила ее за пояс, пытаясь втянуть обратно.

– Надька, с ума сошла! Закрой немедленно, мороз на улице!

– Эй, ау! Вы чего там столпились? – Надя уперлась ногой Вере в бедро и надавила.

– Надя!

– Собрание у нас, собственников жилья! Вас, кстати, тоже касается! – Вере, наконец, удалось оттеснить сестру от окна.

– Вера Павловна, мы вас ждем!

Вениамин Валентинович, в меховой шапке и дубленке с папкой в руках стоял на бордюре перед подъездом, задрал голову к небу. В сгущающихся сумерках Вера насчитала человек двадцать соседей. Мимо, сновали мужчины в рабочей форме, разгружая перед подъездом грузовую машину с мебелью.

Вера чертыхнулась. Она совсем забыла про собрание! Сжав полы халата у горла и жмурясь от ледяного ветра, Вера крикнула в открытое окно:

– Вечер добрый, конечно буду!

– Мы приде-е-ем! – из-за ее плеча голос подала Надя и захихикала.

Вера отпихнула ее и быстро закрыла окно.

– Куда мы в таком виде?

– Как куда? – Надя тряхнула головой. Золотые кудри запрыгали по плечам. – На охоту, конечно, одевайся!

ГЛАВА 7. ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

Через двадцать минут споров и уговоров, Вера в красивом темно-бордовом платье на запахе и дубленке в пол стояла у лифта. Надя придиричиво осматривала ее, на ходу возмущаясь.

– Могла бы и глаза подвести, этот Вениамин Валентинович холост?

– Подкрасила и нормально. Нет, Надя, он давно и бесповоротно женат.

Кажется, свежий воздух немного привел Надю в чувство, но Вера знала, что не надолго. Взятый ею веселый разгон пошел в гору и даже протрезвев окончательно, Надя не остановится.

– Жаль, такой импозантный мужчина! – Вера отвернулась и повторно нажала кнопку лифта.

Спорить с Надей в таком состоянии было бессмысленно. Вера поморщилась – уж кого-кого, а их председателя она не стала бы кадрить даже если бы он остался последним мужчиной на земле!

Гулко стуча подшипниками, лифт проехал мимо и остановился на девятом. Двери открылись и Вера услышала, как выходят на площадку грузчики. Пара матерных замечаний, глухой стук и снова ругань, а поверх всего шума жесткий низкий мужской голос, что порадовало, без мата.

Надя подошла к перилам и нагнулась, выворачивая голову.

– Слышишь, голос прям как у Магомаева! Ах, черт, не видно ничего, – Надя уже собралась подняться по лестнице, чтобы познакомиться с новым Вериным соседом, но приехал лифт, и сестра ее перехватила.

Они спускались на первый в обществе двух молодых, крепко сложных парней. И пока Вера молилась, чтобы лифт случайно не застрял и делала вид, что не знает Надю, та недвусмысленно стреляла глазами, предлагая сестре перейти в прямое нападение прямо в кабине.

На первом этаже было настоящее столпотворение. Среди многочисленных коробок, предметов интерьера и витых оленьих рогов на деревянной подставке, стоял, сгрудившись, почти весь подъезд. Вениамин Валентинович вещал с пролета между первым и вторым, его бухгалтер Ирина Владиславовна с помощницей стояли рядом.

Кому хватило места, выстроились на ступенях, остальные топтались за спиной председателя, у мусоропровода. Поиграв в пятнашки с грузчиками, Надя, наконец, дозволила им загрузить в лифт часть оставленных на площадке вещей и вместе с Верой заняла освободившееся место.

– И все-таки по второму вопросу, пожалуйста, давайте решать сразу. Сортировка отходов – это большие затраты. Контейнеры, договора со свалками, я уже не говорю о личной ответственности...

– Скажите это тому, кто свой мусор на лестничной клетке бросает. Я с собакой два раза в день хожу гулять, и еще ни разу не было, чтобы новый вонючий мешок не выставили. Будьте людьми, пятый этаж!

– А почему сразу пятый? Это может быть любой, начиная с девятого!

– На надо про девятый!

– Я предлагаю камеры в подъезде повесить и все.

– Да вы представляете, сколько это будет стоить, чтобы на каждом этаже по камере, не смешите меня!

– Давайте вернемся к сути вопроса, кто за то, чтобы сортировать отходы? Голосуем! – Вера подняла руку вслед за Надей, но таких было меньшинство.

Вениамин Валентинович сделал пометку в блокноте и продолжил.

– На новый год ожидается очередное повышение тарифов, – толпа роптала и гудела, пока председатель озвучивал цифры. Вера вздохнула, тянуть квартиру одной ей будет тяжело. Мелькнула и исчезла мысль о продаже. – Соблюдайте тишину! Тарифы выставаем не мы. Поступило предложение изменить систему расчета за отопление и разбить ее на весь календарный год.

– А что толку? Я за шестьдесят квадратов почти пять тысяч плачу, не говоря об остальном! Так что, мне теперь весь год так платить? А летом я вообще на даче!

– Нет, речь идет о делении платежей за отопительный пе-

риод не на семь, а на двенадцать месяцев.

– Ага, а перерасчет кто потом делать будет? Как считать? – председатель проигнорировал вопрос и крикнул:

– Голосуем!

Вера руку не подняла, как и большинство соседей. Повисла напряженная тишина и Вениамин Валентинович молча сделал пометку.

Открылись двери лифта и двое ребят загрузили в него оставшиеся вещи. Надя улыбнулась.

– Нет, ну, посмотрите, какие молодцы! – Вера захотелось испариться.

В подъезде в дубленке становилось душно. Она распахнула полы, чуть приспуская ее с плеч, и выдохнула. Понемногу накатывала головная боль.

– Что ж, по основным вопросам разобрались, готов выслушать ваши замечания и предложения.

Соседи заговорили все разом, а Вера подумала, что и не стоило спускаться. Кивнув Наде, она подошла к лифту и нажала на кнопку. Что-то гулко ухнуло и движение в шахте прекратилось.

Спустя мгновение Вера услышала далекий стук и последовавший за ним отборный мат. Она прикусила губу и виновато отступила от лифта на шаг.

– Застрял? – резюмировала Надя и Вера кивнула. – Это что, нам на восьмой теперь пешком идти? – в ее голосе зазвучал неподдельный ужас и Вера поняла, что не так уж

сестра и пьяна.

– Кстати, Вениамин Валентинович, насущный вопрос – лифт, – Коля выступил из тени за спиной председателя. – Весь последний месяц он ломался почти каждый день. И ладно мне лифт не нужен, на первом живу, но Верочка, например, на восьмой пешком, а уже не девочка, поди, – Надя от возмущения вся подобралась и уже открыла рот, чтобы ответить наглецу, но Вера ее перехватила.

– Ну, так, мы на очереди стоим на замену. В следующем году обещают новый поставить, – Вениамин Валентинович замаялся, прокручивая на пальцах меховую шапку.

– В следующем году нельзя, уважаемый. Придется что-то делать прямо сейчас.

Толпа обернулась и на пролет между этажами вышел мужчина. На голову выше председателя, с короткой густой бородой, посеребренной у губ и висков, и тяжелым, колючим прищуром карих глаз.

– Я извиняюсь...

– А я вас нет, – холодно добавил мужчина. – Вы в курсе сколько стоит час погрузочных работ? У меня там двое работают на почасовой таксе, – он вытянул руку, почти касаясь уха председателя и указывая на шахту за его спиной. На мизинце блеснул перстень с крупным камнем. Вера застыла. – Я вам скажу – месячной зарплаты председателя вполне хватит.

– Но я не имею отношения... – Вениамин Валентинович дернулся, Вера увидела как по щекам расплылись красные

пятна. – И уберите руки!

– Если мне не изменяет память, вы тут главный, нет? – мужчина развернулся на каблуках, сложив руки на поясе и оглядывая толпу. – Хотя это легко исправить... Если не в состоянии решить поставленную задачу здесь и сейчас, предлагаю избрать нового председателя, – он вышел вперед, на свет.

Надя схватила Веру за руку, прошептала:

– Это тот, Магомаев! – но Вера получше сестры знала, кто это.

Тертые серые джинсы, из переднего кармана свисает и уходит назад толстая цепь, тяжелые коричневые ботинки на шнуровке и черный свитер с высоким горлом. Но самое главное – перстень.

Боже, а она еще приняла его за озабоченного подростка!

– Да как вы смеете! – первой опомнилась бухгалтер. – Это самоуправство!

– Самоуправство, многоуважаемая, это расходовать целевые деньги на личные нужды. А я являюсь собственником жилья в этом доме и права имею равно как и все присутствующие!

По толпе прошел смешок. Ира вспыхнула, открыла рот, но ответить ей не дали.

– По мне проблема здесь одна – безответственное отношение к своим обязанностям, халатность и панибратство, – мужчина обвел глазами присутствующих. – Хотите жить

лучше? Тогда возьмите на себя ответственность и выберите того, кто сможет закрыть все вопросы раз и навсегда. Или продолжайте стоять и сотрясать воздух бесполезными беседами, – он выдержал паузу. – Ну, голосуем? – люди не спешили поднимать руки и незнакомец, оглядывая их, кривил губы в злой, ядовитой усмешке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.